

Репрезентация онтологического аспекта одиночества в городском пространстве «Борьбы за несуществование» Б.Б. Божнева

Шубин Кирилл Александрович

Студент Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Первая волна русской эмиграции была вынуждена столкнуться со многими испытаниями. Историческая катастрофа на родине в совокупности с материальной необеспеченностью и социальной дезориентацией в чужих странах определили болезненное мироощущение диаспоры. Эти неблагоприятные обстоятельства накладывали существенные ограничения на литературную самоорганизацию, из-за чего «предельная степень единения, предельная степень одиночества, предельная степень осмысленности бытия, предельная степень нищеты» оказались основными признаками зарождающегося сообщества [Каспэ: 107].

Понятие одиночества стало важным предметом рефлексии эмигрантов. Например, между поэтическими сборниками «Стихи на случай» (1928) В.С. Познера и «Борьба за несуществование» (1925) Б.Б. Божнева прослеживается сходство в «поэтике неопределённости и онтологической промежуточности»: образы сборников соотносятся с «усиленной в эмиграции промежуточностью» и связаны с изображённым «расстройством личности», включающим состояние одиночества [Gayraud: 197–198]. Поскольку авторы сборников участвовали в объединениях «Гатарапак», «Палата поэтов» и «Через» в 1920-х гг., способы выражения эмигрантского мироощущения у Божнева и Познера могут иметь общий исток с ранними периодами творчества других авторов того же круга, как Б.Ю. Поплавский и Д. Кнут.

Одиночество для первой волны эмиграции становится предметом философского осмысления. Разделяя понимание одиночества как психологического отчуждения, Н.А. Бердяев подчёркивает его онтологическую сторону: «Можно было бы сказать, что одиночество существует лишь субъективно, а не в онтологическом порядке бытия. Но то, что существует лишь субъективно, преодолимо лишь существующим и затрагивающим глубину бытия» [Бердяев: 90]. По мнению философа, выйти из одиночества возможно только при преодолении ограниченности вещного мира.

В сборнике стихотворений Божнева «Борьба за несуществование» воплощается трагическая сторона жизни эмигрантов, которым «отвратителен весь внешний мир, он им чужд и враждебен» [Адамович: 112]. Часто лирический герой не способен разрешить антиномию между «Я» и вещным миром из-за ограниченности познания или непреодолимости человеческой разобщённости, что абсолютизируется в форме неожиданной смерти («О, тёмные, ночные разговоры...») или самоубийства («Ах, бабочка, между домами...»).

В поэзии Божнева преодоление одиночества осуществляется несколькими способами: гносеологически, эстетически и благодаря любви. Первый способ состоит в утолении тоски по Богу, сочетающемся с возможностью прозреть подлинное бытие («Чтоб стать ребёнком, встану в тёмный угол...»). Эстетическое преодоление связано с музыкой, раскрывающей глубинную близость между людьми («В четвёртом этаже играют Баха...»). А любовь способствует достижению надындивидуального единства полов, связанного с обнаружением в другом полноправного субъекта («Одни и те же камменого улья...»).

Стихотворения включают в себя пространство современного города. Урбанистический фон подчёркивает отверженность лирического героя, показывая разные степени одиночества. Для Божнева характерно изображение городского ада, наследующее Ш. Бодлеру. Подтекст не только указывает на общее стремление поэтов соединять противоположное, но и раскрывает отличия между их лирическими героями. Если Бодлер возвышает лирического героя над толпой, то Божнев акцентирует внимание на его незначительности.

Урбанистическое пространство Божнева включает три топоса: комната, улица и общественная уборная. Комната принадлежит пространству личности, и она же отделяет его от остального мира. Это пространство обычно используется при изображении смертного одра («Вымывшись и белую рубашку...») или постели влюблённых («О, тёмные, ночные разговоры...»), одинаково показывая торжество смерти, которое может быть выражено прямолинейно отождествлением комнаты и гроба («По кладбищу хожу весёлый...»). Особенность уличного топоса состоит в введении равнодушной толпы, исключающей любую форму преодоления одиночества при непосредственной близости смерти («В толпе я смерть толкнул неосторожно...»). В общественной уборной граница между жизнью и смертью стирается. Состояние лирического героя характеризуется предельной опустошённостью при подчёркивающем страх и неприглядность смерти антиэстетизме («Стою в уборной... Прислонясь к стене...»).

Таким образом, одиночество лирического героя «Борьбы за несуществование» осмысляется как одна из главных черт трагического бытия эмигранта. Но от этой поэтической книги сильно отличается следующий сборник стихотворений «Фонтан» (1927). Рассмотренные черты лирического героя и пространственные доминанты характеризуют первые поэтические опыты Божнева, обратившегося затем к неоклассицизму и расширившего поэтический репертуар.

Литература

1. Адамович Г.В. Литературные беседы [М. Горький о Л. Андрееве. – Стихи кн. А.И. Одобовского. – В. Диксон и Б. Божнев] // Адамович Г.В. Собр. соч. М., 2015. Т. 2. С. 109–113.
2. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж, 1934.
3. Каспэ И. Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. М., 2005.
4. Gaugaud R. К типологии поэзии первой русской эмиграции. Поэтика промежуточности в произведениях некоторых молодых поэтов русской эмиграции в Париже // *Revue Des Études Slaves*. Vol. 70. 1998. № 1. P. 187–199.